

Ключевский, Василий Осипович.
К52 Исторические портреты / В. О. Ключевский. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-04-162270-1

«Исторические портреты» выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского (1841—1911) — это блистательные и глубокие характеристики ярких деятелей отечественной истории. Ученый создал галерею образов всех правителей России; знаменитых государственных умов — например, Ф. М. Ртищева, А. Л. Ордина-Нащокина, князей В. В. Голицына и А. Д. Меншикова; деятелей духовного возрождения — таких, как святой Сергий Радонежский; представителей культуры — Н. И. Новикова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова; историков Отечества — И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Ф. И. Буслаева.

Фундаментальный научный подход и художественное мастерство сочетались в Ключевском с талантом привлекать и удерживать внимание аудитории афористичным, запоминающимся изложением информации. Каждое выступление историка приобретало огромный общественный резонанс. Для многих современников он стал символом и гордостью России. Когда хотели сказать о чем-то прекрасном на Руси, то для убедительности говорили: «Это равняется лучшей странице Ключевского». Люди, слышавшие Ключевского, сравнивали его лекции и речи по силе воздействия на аудиторию не с другими учеными, а с высочайшими образцами искусства — выступлениями Шаляпина, Ермоловой, Собинова, Рахманинова, со спектаклями молодого Художественного театра. Литературный дар Ключевского также нашел воплощение в его афоризмах, репликах, оценках, которые сегодня признаны интеллектуальной классикой: «История — это не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков»; «Прошедшее надо знать не потому, что оно произошло, а потому, что, уходя, оно не умело убрать своих последствий»; «Ложь в истолковании прошлого приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем» и др.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)-8

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

От Издательства

Василий Осипович Ключевский (1841–1911) — один из четырех выдающихся русских историков золотого века русской культуры, каковым по праву считается XIX столетие. Никогда до того и никогда после российская историческая наука не достигала такой силы своей общественной значимости, никогда более ее мысль не характеризовалась такой глубиной анализа, как в трудах Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и Н. И. Костомарова. Если вклад Карамзина можно сопоставить с значимостью Пушкина, титанический труд Соловьева — с монументальными произведениями Льва Толстого, подход Костомарова — с полными глубинных личных страстей романами Достоевского, то Ключевский был своего рода Чеховым — мастером меткой, парадоксальной характеристики своих героев и обстоятельным вниманием к мельчайшим деталям внешней обстановки.

Но даже среди титанов отечественной историографии Ключевский занимает исключительное место. Для многих своих современников он стал символом и гордостью России. Когда хотели сказать о чем-то прекрасном на Руси, то для убедительности говорили: «Это равняется лучшей странице Ключевского» (*В. В. Розанов*). Его называли добрым гением, домашним духом, покровителем русской культуры, с которым не страшны никакие бедствия, никакие испытания (*О. Э. Мандельштам*).

Каждое выступление историка приобретало огромный общественный резонанс. Люди, слышавшие Ключевского, сравнивали его лекции и речи по силе воздействия на аудиторию не с другими учеными, а с высочайшими образцами искусства — с выступлениями Шаляпина, Ермоловой, Собинова, Рахманинова, со спектаклями молодого Художественного театра.

Тот, кто присутствовал на выступлениях Ключевского, надолго запоминал их; кто их пропускал, невероятно сожалел об этом как о личной потере. Под влиянием Ключевского А. П. Чехов собирался писать историю медицины. Обладая даром художественно-исторического воображения, Ключевский консультировал деятелей литературы и искусства. Так, Ф. И. Шаляпин с помощью Василия Осиповича разрабатывал сценические образы царей Ивана IV Грозного, Бориса Годунова, старца Досифея и был потрясен тем, как масштабно и правдоподобно Ключевский в ходе консультаций сам играл царя Василия Шуйского. Художественный дар Ключевского также нашел воплощение в его афоризмах, репликах, оценках, часть которых была широко известна в интеллектуальных кругах России: «Прошедшее надо знать не потому, что оно произошло, а потому, что, уходя, оно не умело убрать своих последствий»; «История — это не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков»; «Ложь в истолковании прошлого приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем»; «Политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной»; «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не зная, как и зачем мы живем, как и к чему должны стремиться».

В предлагаемой читателю книге Ключевский выступает как выдающийся мастер исторического портрета. Ученый создал галерею образов правителей России — например, царей Ивана Грозного, Алексея Михайловича, императора Петра I, императрицы Елизаветы Петровны, императора Петра III, императрицы Екатерины II; выдающихся государственных деятелей — Ф. М. Ртищева, А. Л. Ордина-Нащокина, князя В. В. Голицына, князя А. Д. Меншикова; деятелей духовного возрождения — например, святого Сергия Радонежского; представителей культуры — Н. И. Новикова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова; историков Отечества — И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Ф. И. Буслаева.

Зачем человек существует
или желает существовать на свете,
или
О взгляде художника на обстановку
и убор изображаемого им лица

*От Автора*¹

Человек — главный предмет искусства. Художник изображает его так, как он сам себя выражает или старается выразить. А человек любит выражать, обнаруживать себя. Понятно его побуждение: мы любим понимать себя и стараемся, чтобы и другие понимали нас так же, как мы сами себе представляемся.

Говорят, лицо есть зеркало души. Конечно, так, если зеркало понимать как окно, в которое смотрит на мир человеческая душа и через которое на нее смотрит мир. Но у нас много и других средств выражать себя. Голос, склад речи, манеры, прическа, платье, походка — все, что составляет физиономию и наружность человека. Все это — окна, через которые наблюдатели заглядывают в нас, в нашу душевную жизнь. И внешняя обстановка, в какой живет человек, выразительна не менее его наружности. Его платье; фасад дома, который он себе строит; вещи, которыми он окружает себя в своей комнате, — все это говорит про него. И прежде всего, говорит ему самому, кто он и зачем существует или желает существовать на свете. Человек любит видеть себя вокруг себя и напоминать другим, что он понимает, что он за человек.

Обстановку, какой окружает себя человек дома и в какой он выходит на улицу, вид, в каком он появляется в обществе, художнику необходимо наблюдать и надобно уметь, т. е. привыкнуть, наблюдать. На это есть свои правила и приметы. Когда вы входите в кабинет к человеку со средствами, у которого все просто и опрятно, по стенам ни одной картинки, на столе ни одной фотографии, никакой блестящей безделки и даже лампа какая-то матовая, будьте уверены, что перед вами человек замкнутый, но доброжелательный, очень мало интересующийся вами при первой встрече, но человек с подвижным и сильным воображением, не нуждающимся во внешних возбуждениях, и, по вашему уходе, он мысленно сделает из вас что угодно, вылепит какой угодно идеал и уж непременно запомнит вас надолго, если только вы оставили в нем сколько-нибудь благоприятное впечатление.

¹ Данный сборник, включающий персоналии русских исторических деятелей, составлен на основании «Курса по русской истории» и отдельных статей автора. Печатается по изданию: *Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. I—IX. (Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. редакции.)*

* * *

Я раз пришел к очень богатому барину. В маленьком кабинете, на антресолях его собственного дома, я заметил несколько худеньких стульев, кожаный, сильно просиженный, рваный диван, небольшой письменный стол на курьих ножках с озеровидными пятнами на потертом зеленом сукне. Человек в опрятном фраке и безукоризненных белых перчатках на дорогом подносе поставил на стол кофе и при этом передвинул стоявшие на нем два подсвечника. Тут я заметил, что это были бронзовые подсвечники старинной работы, ценное качество которой без труда почувствовал даже мой не сведущий в таких вещах глаз. Мы долго и оживленно говорили о предмете, сильно его занимавшем; он с видимым любопытством меня выслушивал, при прощании крепко жал мне руку за полученные сведения, а через неделю при встрече в гостях не узнал меня. Есть люди, которые любят щеголять нарядными драгоценными рубищами, чтобы заставить людей запомнить себя, и забывают о собеседнике тотчас, как только расстаются с ним.

Человек украшает то, в чем живет его сердце, во что кладет он свою душу, свои умственные и нравственные усилия. Современный человек, свободный и одинокий, замкнутый в себе и предоставленный самому себе, любит окружать себя дома всеми доступными ему житейскими удобствами, украшать, освещать и согревать свое гнездо. В Древней Руси было иначе. Дома жили неприспособлено, кое-как. Домой приходили как будто только поесть и отдохнуть, а работали, мыслили и чувствовали где-то на стороне. Местом лучших чувств и мыслей была церковь. Туда человек нес свой ум и свое сердце, а вместе с ними и свои недостатки. Иностранцы, въезжая в большой древнерусский город, прежде всего поражались видом многочисленных каменных церквей, внушительно поднимавшихся над темными рядами деревянных домиков, уныло глядевших своими тусклыми слюдяными окнами на улицу или робко выглядывавших своими трубами из-за длинных заборов.

В 1289 г. умирал на Волыни, в местечке Любомль, Владимир Васильевич. Это был очень богатый, могущественный и образованный для своего времени князь, построивший несколько городов и множество церквей, украшавший церкви и монастыри дорогими коваными иконами с жемчугом, серебряными сосудами, золотом шитыми бархатными завесами и книга-

ми в золотых и серебряных окладах. Он умирал от продолжительной и тяжелой болезни, во время которой лежал в своих хоромах на полу на соломе. Или возьмем жившего немного позднее московского князя Ивана Даниловича Калиту. Это был один из самых сильных и богатых князей, если не сильнейший и богатейший князь Северной Руси в начале XIV в., отличавшийся притом большим скопидомством. Между тем, перечисляя в своей первой духовной грамоте (не позднее 1328 г.) наиболее ценную домашнюю движимость, которую он оставлял своим наследникам, он прописывает 12 золотых цепей, 9 поясов золотых и несколько серебряных, женское ожерелье, монисто, 14 женских обручей, чело (женский головной убор. — *Примеч. ред.*), гривну, 7 кожухов и кафтанов, золотую шапку, 6 золотых чаш и чар, 17 штук блюд и другой посуды золотой и серебряной и золотую коробочку — все это, как видите, можно уложить в один порядочный сундук.

Теперь обстановка и убор человека далеко не имеют того значения, какое они имели в старые времена. Современный человек обставляет и убирает себя по своим понятиям и вкусам, по своему взгляду на жизнь и на себя, по той цене, какую он дает самому себе и людскому мнению о себе. Современный человек в своей обстановке и уборе ищет самого себя или показывает себя другим, афиширует, выставляет свою личность и потому заботится о том, чтобы все, чем он себя окружает и убирает, шло ему к лицу. Если исключить редких чудаков, мы обыкновенно стараемся окружить и выставить себя в лучшем виде, показаться себе самим и другим даже лучше, чем мы на самом деле.

Вы скажете: «Это суетность, тщеславие, притворство». Так, совершенно так. Только позвольте обратить ваше внимание на два очень симпатичных побуждения. Во-первых, стараясь показаться себе самим лучше, чем мы на деле, мы этим обнаруживаем стремление к самоусовершенствованию, показываем, что хотя мы и не то, чем хотим казаться, но желали бы стать тем, чем притворяемся. А во-вторых, этим притворством мы хотим понравиться свету, произвести наилучшее впечатление на общество, т. е. выражаем уважение к людскому мнению, свидетельствуем почтение к ближнему, следовательно заботимся об умножении удобств и приятностей общежития, стараемся увеличить в нем количество приятных впечатлений.

Видимая суетность и тщеславие становятся вспомогательным средством или орудием аль-

труизма. Конечно, мы улыбаемся при виде иной дамы в пожилых годах и с юным сердцем, которая любит рядиться в молодые цвета. Но вы отдадите справедливость ее доброму намерению: скрывая свой пожилой возраст, она ведь отклоняет вас от мысли о неприятности, которая ждет и каждого из вас.

В старые времена личности не позволялось быть столь свободной и откровенной. Лицо тонulo в обществе, сословии, корпорации, семье, должно было своим видом и обстановкой выражать и поддерживать не свои личные чувства, вкусы, взгляды и стремления, а задачи и интересы занимаемого им общественного или государственного положения. Над личными вкусами и понятиями, даже над личными доблестями, царили общеобразовательное приличие, общепризнанный обычай. В настоящее время зачастую встречаешь гимназиста, который идет с выражением Наполеона I или по меньшей мере Бисмарка, хотя в кармане у него балльная книжка, где все двойка, двойка и двойка. Встречаешь порой и гимназистку, особенно в очках, что теперь не редкость, которая смотрит императрицей Екатериной II или даже самой Жорж Санд, хотя это просто Машенька Гусева с Зацепы и больше ничего. Теперь такие несвойственные возрасту и положению выражения величия вызывают только веселую улыбку, а в старину они навлекли бы строгое внушение.

В прежние времена положение обязывало и связывало, обстановка, как и сама физиономия человека, в значительной мере имела значение служебного мундира. Каждый ходил в приличном состоянии костюме, выступал присвоенной званию походкой, смотрел на людей штатным взглядом. Занимал человек властное положение в обществе — он должен был иметь властные жесты, говорить властные слова, глядеть повелительным взглядом, с утра до вечера не скидывать с себя торжественного костюма, хотя бы все это было ему тяжело и противно. Родился князем Воротынским — поднимай голову выше и держи себя по-княжески, по-воротынски, а стал монахом — так и складывай смиренно руки на груди и береги глаза, опускай их долу, а не рассыпай по встречным и поперечным. Словом, «назвался груздем, так полезай в кузов».

Когда древнерусский боярин в широком охабне и высокой горлатной шапке выезжал со двора верхом на богато убранном ногайском аргамеке, чтобы ехать в Кремль челом ударить государю, всякий встречный человек меньшего

чина по костюму, посадке и самой физиономии всадника видел, что это действительно боярин, и кланялся ему до земли или в землю, как требовал обычай, потому что ведь он — «столп, за который весь мир держится», как однажды выразился про родовитых бояр знаменитый, но неродовитый князь Пожарский. Появись он на улице кое-как, запросто, в растрепанном виде, с легкомысленными, смеющимися глазами, он только неприятно смутил бы встречных, как смутились бы молящиеся в соборном храме, если бы, при полном праздничном освещении, среди всего церковного благолепия, из Царских дверей вышел владыка-митрополит в рубище и с улыбкой на устах.

Припоминаю один давний случай. Давали благотворительный концерт с участием какой-то дивы и с очень повышенными ценами. В первом ряду сидел в блестящих мундирах, фраках и туалетах цвет местного общества. К распорядителю, принимавшему у входа билеты, подходит скромно одетая и со скромным видом дама и подает один из первых номеров. Подозрительный и неловкий распорядитель посмотрел на билет, потом на даму, потом опять на билет и имел неосторожность спросить: «Позвольте узнать, как ваша фамилия?» — «Княгиня такая-то», — тихо ответила дама, выговорив такую фамилию, от которой у распорядителя зарябило в глазах, и он, растерянно извиняясь, повел ее к первому ряду, который встал весь при ее появлении.

В старые времена житейская обстановка предотвращала подобные недоразумения. Отдельные лица прятались за типами; внешними признаками резко отмечались и различались целые классы людей, общественные состояния, а классы, состояния рассматривались не как простые случайности рождения или капризы счастья, а как естественные нормы жизни или предначертания всем правящей всевышней десницы: кому что на роду написано, судьба.

Если вы потрудитесь вникнуть в логику такого исторического разума гения, который строил формы и отношения людского общежития, вам не покажутся странными некоторые явления старинной русской жизни, с которыми вы можете встретиться, изучая русские исторические памятники для своих художественных композиций.

Столь известная в истории раскола, небезызвестная в русской живописи Феодосия Прокофьевна Морозова, урожденная Соковнина, была большая московская боярыня времен царя Алек-

сея Михайловича. Она была замужем за родным братом боярина Бориса Ивановича Морозова, воспитателя и свояка этого царя, и обладала огромным богатством: у нее было 8 тыс. душ крестьян; дома ей прислуживало человек 300 челяди. Вдому у нее всякого добра было больше чем на два с половиной миллиона рублей на нынешние деньги. После, когда ей пришлось встать за благочестие, хотя и ложно понятое, что она считала старой истинной верой, двуперстие и сугубую аллилуйю, она показала, как она мало дорожит всеми дарованными ей житейскими благами, и честью при дворе, и золоченой кроватью дома, не побоялась ни допросов, ни сырого боровского подземелья, куда ее посадили. А посмотрите, как она, оставшись молодой вдовой, в «смирном образе», по-нашему в трауре, выезжала из дома: ее сажали в дорогую карету, украшенную серебром и мозаикой, в шесть или двенадцать лошадей, с гремящими цепями. За нею шло слуг, рабов и рабынь человек со сто, а при особенно торжественном поезде — с двести и с триста, оберегая честь и здоровье своей государыни-матушки. Царица Ассирийская, да и только, скажете вы, — раба суеверного и тщеславно пышного века! Хорошо.

Перейдем к концу XVIII столетия, в век Вольтера, Руссо и императрицы Екатерины II, эпоху разума, свободы, равенства и естественной простоты, когда под горячими лучами разгоревшейся человеческой мысли таяли людские суеверия и предрассудки. Вице-канцлер Екатерины II граф Иван Андреевич Остерман был сын любимца Петра Великого, барона Андрея Ивановича Остермана. Этот вице-канцлер был образованным, неглупым и богатым дипломатом, в домашней жизни не любил роскоши, держал себя важно, но без гордости. На Святой неделе, когда в Петербурге бывало народное гулянье с качелями, он любил поглядеть, как веселится народ. Посмотрите, в какой обстановке появлялся он на гульбище.

Он приезжал один в одноместной позолоченной карете с большими стеклами, точно фонарь, на шестерке белых лошадей; на запятках стояли два гайдук в голубых епанчах, из-под которых выглядывали казакины с серебряными шнурками, а на головах — высокие картузы с перьями и с серебряными бляхами на лицевой стороне, на которых виден был именной вензель господина; перед лошадьми шли два скорохода с булавами в руках, в нарядных костюмах, в шегольских чулках и башмаках, какая бы ни была слякоть.

Украшения, найденные в курганах возле Переславля-Залесского.

Литография из подарочного издания по материалам раскопок. Вторая половина XIX в.

Ныне появление в такой обстановке придало бы народному гулянию характер публичного маскарада под открытым небом и было бы встречено веселым хохотом. Сто лет назад эту процессию столичная толпа встречала с обнаженными головами и почтительным шепотом: «Его сиятельство граф Остерман едет!»

Конечно, и в современной жизни много условного, ненужного для прямых целей общежития, но удобного для прикрытия его недостатков. Люди, которым приходится видеться, но не о чем говорить, поневоле говорят о политике и погоде, чтобы не смотреть молча в глаза друг другу. Но эти условности, еще удержавшиеся в жизни по привычке или необходимости, эти переживания быстро теряют свою обязательность в общем сознании или в общественном мнении. Все более торжествует мысль, что каждый имеет право

Коронационная карета Екатерины II

быть самим собой, если не мешает другим быть тем же и не производит общего затруднения. Мы улыбнемся при виде вороны в павлиньих перьях, но едва ли осудим ее в душе — за что? Если она умеет носить их прилично и не задевая ими простых неукрашенных ворон. В старые времена, при других понятиях и нравах, такая своеобразность была менее удобна и, во-первых, не совсем безопасна. Общественное мнение было более завистливо и нетерпимо, не выносило ничего выдающегося, незаурядного, своеобразного. Будь как все, шагай в ногу со всеми — таково было общее правило.

Известно, что в Древней Руси дамы любили белиться и румяниться. Может быть, в этом обычае был свой смысл: он делал красивых менее красивыми, а дурных приближал к красивым и, таким образом, сглаживал произвол судьбы в неравномерном распределении даров природы. Если так, то обычай имел просветительно-благотворительную цель, заставляя счастливо одаренных поступаться долей полученных даров в пользу обездоленных. Но духовенство не благоволило к обычаю, подозревая в нем иные, худшие побуждения. Однако были софисты, которые замысловато оправдывали этот обычай.

Вот что случилось в 1653 г. в доме муромского воеводы. В праздник собрались к нему гости.

Пришел и протопоп Логгин и, благословляя хозяйку, спросил: «Не белишься ли?» Гости вместе с хозяином подхватили это слово и накинулись на батюшку: «Так что же, что белится? Ты, протопоп, белила хулишь, а ведь без белил и образов не пишут». Рассерженный отец Логгин жестко возразил: «Да если таким составом, каким иконы пишутся, ваши рожи намазать, так всем это, пожалуй, и не понравится». Однако от воеводы полетел в Москву донос к патриарху, что-де муромский протопоп Логгин хулит иконы.

Один иноземец, бывший в Москве при царе Михаиле, рассказывает, что одна красивая московская боярыня не хотела белиться и румяниться. Тогда все дамы боярского круга взелись на нее: «Она осрамить нас вздумала: «Я-де солнце, а вы оставайтесь тусклыми свечками при солнечном сиянии»» — и через мужей заставили таки красавицу подчиниться обычаю: «Гори-де и ты, подобно нам, тусклой свечкой при солнечном сиянии. Будь как все, шагай в ногу со всеми».

Вот характерная нравоописательная картинка из записок известного московского подьячего времен царя Алексея Михайловича: «В домах своих живут они, смотря по чину и общественному весу каждого, вообще же без особенных удобств. Малочинному приказному человеку нельзя построить хорошего дома. Оболгут перед

царем, что-де взяточник, мздоимец, казнокрад, и много хлопот наделают тому человеку, пошлют на службу, которой исполнить нельзя, инструкцию такую напишут, что ничего не поймешь, и непременно упекут под суд, а там — батоги и казенное взыскание, продажа движимого и недвижимого с публичного торга. А ежели торговый человек или крестьянин необычно хорошо обстроится, ему податей навалют. И потому, — заключает Котошихин, — люди Московского государства домами живут негораздо устроенными и города и слободы у них неблагоустроенные же».

Впрочем, свобода убора и обстановки стеснялась не одной людской зависимостью, но и соображениями благочиния и благоустройства. При тогдашних нравах свобода могла повести и приводила к вредным излишествам и чудачествам, рассказами о которых так обильны наши предания о добрых старых временах. Правительство тогда считало своим долгом отечески опекать подданных и во имя общественной дисциплины вмешиваться в их частную жизнь. У нас, как и в других странах, к этой цели было направлено целое законодательство о платье и роскоши.

Еще в прошедшем столетии у нас запрещался ввоз из-за границы некоторых дорогих материй и других предметов роскоши. Закон хотел сделать из людской слабости поощрение к труду, образованию и общественному служению, из личной суетности и тщеславия — средство общественного порядка, щегольство превратить в стимул гражданского чувства.

Обстановка должна была стать не просто выставкой богатства, но и отметкой общественного положения, социального распорядка лиц, знаком отличия за умение вести дела и за заслуги обществу и государству. Хочешь блеснуть перед людьми, доставить себе удовольствие, кольнуть их завистливые глаза своей персоной, ливреей лакея или упряжкой — приобрети на это установленный патент трудолюбием и искусством. Да и делай это разумно и осторожно, чтобы люди не посмеялись и над тобой, и над тем, кто патентовал тебе привилегию колоть им глаза своей персоной или упряжкой.

Раскройте жалованную грамоту императрицы Екатерины II на права и выгоды городам Российской империи — вы найдете там ряд статей о том, как могли по закону выезжать люди разных городских состояний. Городское население по грамоте делилось на именитых граждан, купечество трех гильдий, цеховых ремесленников и простых рабочих. Эти звания приобретались

Коронационное платье Екатерины II

городской общественной службой, образованием, искусством и размером капитала, т. е. величиной платимого с него в казну процентного сбора, — значит, трудолюбием, талантом, услугами обществу и государству.

Грамота прямо говорит, что «название городских обывателей есть следствие трудолюбия и добронравия, чем и приобрели отличное состояние». Так к высшему состоянию именитых граждан причислились, наравне с крупнейшими капиталистами, ученые, имеющие академические или университетские аттестаты, художники четырех художеств, именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители, также с академическими аттестатами «и по испытаниям главных российских училищ признанные таковыми». И вот что мы читаем в грамоте о правах выезда для лиц высших городских состояний: «Именитым гражданам дозволяется ездить по городу в карете парой и четверней; купцам первой гильдии дозволяется ездить по городу в карете только парой, купцам второй — в коляске парой, третьей же гильдии запрещается ездить в карете и впрягать зимой и летом больше одной лошади; то же и цеховым ремесленникам или мешанам».

Но довольно, господа! Теперь подсчитаем, до чего мы договорились. Я обещал сказать вам свое мнение о том, как надобно художнику смотреть на обстановку и убор изображаемых им лиц. Этот взгляд устанавливается различным значением обстановки и убора в прежние време-

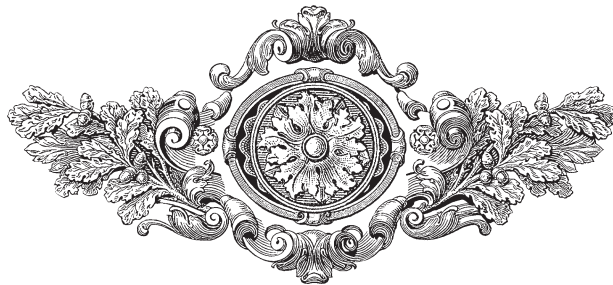
на и теперь — иначе говоря, историческим значением этих житейских подробностей. Это различие, в свою очередь, зависит от неодинакового отношения лица к обществу теперь и в прежние времена. Теперь человек старается сознавать и чувствовать себя свободной цельной единицей общества, которая живет для себя и даже свою деятельность на пользу общества рассматривает как свободное проявление своей личной потребности быть полезным для других.

Согласно с этим он подбирает себе, разумеется в пределах своих средств, обстановку и убор по своим личным вкусам и понятиям, по своему взгляду на жизнь, на людей и на себя. Все, что мы видим на современном человеке и около него, есть его автобиография и самохарактеристика, так сказать. Мода, общепринятый обычай, общеобязательное приличие указывают только границы личного вкуса и произвола. Прежде лицо тонуло в обществе, было дробной величиной «мира», жило одной с ним жизнью, мыслило его общими мыслями, чувствовало его мирскими чувствами, разделяло его повальные вкусы и оптовые понятия, не умея выработать своих особых, личных, розничных, и ему позволялось быть самим собой лишь настолько, насколько это необходимо было для того, чтобы помочь ему жить как все, чтобы поддержать энергию его личного участия в хоровой гармонии жизни или в трудолюбиво-автоматическом жужжании пчелиного улья.

Люди прежних времен умели быть эгоистами не хуже нас, даже бывали чудаками и самодура-

ми, какими не сумеем стать мы, но они менее нас умели быть оригинальными, без странностей, своеобразными и самобытными, без неудобных чудачеств, без потребности в полицейском надзоре. Потому в своей житейской обстановке, как и в своем наружном уборе, они были столь же мало своеобразны и изобретательны, как в своих чувствах и вкусах, повторяли общепринятые завитки, цвета и покрои, исторически сложившиеся, отцами и дедами завещанные.

Теперь обстановка есть характеристика личного настроения и положения человека, его средств и взгляда на свое отношение к обществу. Прежде она была выставкой его общественного положения, выражением не его взгляда на свое отношение к обществу, а взгляда общества на его общественное положение и значение. Ныне обстановка и держит себя, как сам себя понимает, а прежде — как его понимали другие, т. е. общество, в котором он жил. Отсюда следует, что, изображая современного человека, вы, разумеется в указанных пределах общепризнаваемого обычая и приличия, можете придумывать своему герою какую угодно обстановку, платье и прическу, лишь бы все это верно выражало его своеобразный характер, можете быть для него и портными и парикмахерами, только оставаясь художниками и психологами. Но в изображении стародавних людей художник обязан быть историком, окружать и убирать их, как тогда все себя окружали и убирали, хотя бы это окружение и этот убор и не согласовались с характером изображаемого лица.

ПРАВИТЕЛИ
РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Мы старались рассмотреть факт, скрытый в рассказе Начальной летописи о первых киевских князьях, который можно было бы признать началом Русского государства. Мы нашли, что сущность этого факта такова: приблизительно к половине IX в. внешние и внутренние отношения в торгово-промышленном мире русских городов сложились в такую комбинацию, в силу которой охрана границ страны и ее внешней торговли стала их общим интересом, подчинившим их князю Киевскому и сделавшим Киевское варяжское княжество зерном Русского государства. Этот факт надобно относить ко второй половине IX в., точнее я не решаюсь обозначить его время.

НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Общий интерес, создавший Великое княжество Киевское, охрана границ и внешней торговли, направлял и его дальнейшее развитие, руководил как внутренней, так и внешней деятельностью первых киевских князей. Читая начальный летописный свод, встречаем ряд полуисторических и полусказочных преданий, в которых историческая правда сквозит через прозрачную ткань поэтической саги. Эти предания повествуют о князьях Киевских IX и X вв.— Олеге, Игоре, Святославе, Ярополке, Владимире. Вслушиваясь в эти смутные предания, без особенных критических усилий можно уловить основные побуждения, которые направляли деятельность этих князей.

ПОКОРЕНИЕ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

Киев не мог остаться стольным городом одного из местных варяжских княжеств: он имел общерусское значение как узловой пункт торгово-промышленного движения и потому стал центром политического объединения всей земли. Деятельность Аскольда, по-видимому, ограничивалась ограждением внешней безопасности Киевской области: из летописи не видно, чтобы он покорил какое-либо из околных племен, от которых оборонял своих полян, хотя слова Фотия о Росе, возгордившемся поработением окрестных племен, как будто намекают на это.

Первым делом Олега в Киеве летопись выставляет расширение владений, собиранье восточного славянства под своей властью. Летопись ведет это дело с подозрительной последовательностью, присоединяя к Киеву по одному племени ежегодно. Олег занял Киев в 882 г.; в 883 г. были покорены древляне, в 884 г.— северяне, в 885 г.— радимичи; после того длинный ряд лет оставлен пустым. Очевидно, это порядок летописных воспоминаний или соображений, а не самих событий.

Князь Рюрик.

*Фрагмент росписи Грановитой палаты
Московского Кремля*

К началу XI в. все племена восточных славян были приведены под руку киевского князя; вместе с тем племенные названия появляются все реже, заменяясь областными по именам главных городов. Расширяя свои владения, князья Киевские устанавливали в подвластных странах государственный порядок, прежде всего, разумеется, администрацию налогов.

Старые городские области послужили готовым основанием административного деления земли. В подчиненных городских областях по городам Чернигову, Смоленску и др. князья сажали своих наместников, посадников, которыми были либо их наемные дружинники, либо собственные сыновья и родственники.

Эти наместники имели свои дружины, особые вооруженные отряды, действовали довольно независимо, стояли лишь в слабой связи с государственным центром, с Киевом, были такие же

конинги, как и князь Киевский, который считался только старшим между ними и в этом смысле назывался «великим князем Русским», в отличие от князей местных, наместников. Для увеличения важности киевского князя и эти наместники его в дипломатических документах величались «великими князьями». Так, по предварительному договору с греками 907 г., Олег потребовал «укладов» на русские города Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие города, «по тем бо городом седяху велиици князи, под Олгом суще». Это были еще варяжские княжества, только союзные с Киевским: князь сохранял тогда прежнее военно-дружинное значение, не успев еще получить значения династического.

Генеалогическое пререкание, какое затеял под Киевом Олег, упрекая Аскольда и Дира за то, что они княжили в Киеве, не будучи князьями, «ни рода княжа», — притязание Олега, предупреждавшее ход событий. А еще вероятнее — такое же домышление самого составителя летописного свода.

Некоторые из наместников, покорив то или другое племя, получали его от киевского князя в управление с правом собирать с него дань в свою пользу, подобно тому как на Западе в IX в. датские викинги, захватив ту или другую приморскую область империи Карла Великого, получали ее от франкских королей в лен, т. е. в кормление. Игорев воевода Свенельд, победив славянское племя улучей, обитавшее по нижнему Днепру, получал в свою пользу дань не только с этого племени, но и с древлян, так что его дружина, отроки, жила богаче дружины самого Игоря.

ОХРАНА ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

Другой заботой киевских князей была поддержка и охрана торговых путей, которые вели к заморским рынкам. С появлением печенегов в южнорусских степях это стало очень трудным делом. Тот же император Константин, описывая торговые плаванья Руси в Царьград, ярко рисует затруднения и опасности, какие приходилось ей одолевать на своем пути. Собранный пониже Киева, под Витичевом, караван княжеских, боярских и купеческих лодок в июне отправлялся в путь. Днепровские пороги представляли ему первое и самое тяжелое препятствие.

Вы знаете, что между Екатеринославом и Александровском, там, где Днепр делает боль-

шой и крутой изгиб к востоку, он на протяжении 70 верст пересекается отрогами Авратынских возвышенностей, которые и заставляют его делать этот изгиб. Отроги эти принимают здесь различные формы. По берегам Днепра рассеяны огромные скалы в виде отдельных гор. Сами берега поднимаются отвесными утесами высотой до 35 саженей над уровнем воды и сжимают широкую реку; русло ее загромождается скалистыми островами и перегораживается широкими грядами камней, выступающих из воды заостренными или закругленными верхушками. Если такая гряда сплошь загораживает реку от берега до берега, это — *порог*; гряды, оставляющие проход судам, называются *заборами*. Ширина порогов по течению — до 150 саженей; один тянется даже на 350 саженей. Скорость течения реки вне порогов — не более 25 саженей в минуту, в порогах — до 150 саженей. Вода, ударяясь о камни и скалы, несется с шумом и широким волнением. Значительных порогов теперь считают до десяти, во времена Константина Багрянородного считалось до семи. Небольшие размеры русских однодеревек облегчали им прохождение порогов.

Мимо одних Русь, высадив челядь на берег, шестами проталкивала свои лодки, выбирая в реке вблизи берега места, где было поменьше камней. Перед другими, более опасными, она высаживала на берег и выдвигала в степь вооруженный отряд для охраны каравана от поджидавших его печенегов, вытаскивала из реки лодки с товарами и тащила их волоком или несла на плечах и гнала скованную челядь. Выбравшись благополучно из порогов и принес

я благодарственные жертвы своим богам, она спускалась в днепровский лиман, отдыхала несколько дней на острове Св. Елевферия (ныне Березань), исправляла судовые снасти, готовясь к морскому плаванию, и, держась берега, направлялась к устьям Дуная, все время преследуемая печенегами. Когда волны прибывали лодки к берегу, русы высаживались, чтобы защитить товарищей от подстерегавших их преследователей. Дальнейший путь от устьев Дуная был безопасен.

Читая подробное описание этих цареградских поездок Руси у императора, живо чувствуешь, как нужна была русской торговле вооруженная охрана при движении русских купцов к их заморским рынкам. Недаром Константин заканчивает свой рассказ замечанием, что это — мучительное плавание, исполненное невзгод и опасностей.

ОБОРОНА СТЕПНЫХ ГРАНИЦ

Но, засаривая степные дороги русской торговли, кочевники беспокоили и степные границы Русской земли. Отсюда третья забота киевских князей — оградить и оборонять пределы Руси от степных варваров. С течением времени это дело становится даже господствующим в деятельности киевских князей вследствие все усиливавшегося напора степных кочевников.

Олег, по рассказу «Повести временных лет», как только утвердился в Киеве, начал города ставить вокруг него. Владимир, став христианином, сказал: «Худо, что мало городов около Киева» — и начал строить города по Десне, Трубежу, Стугне, Суле и другим рекам. Эти укрепленные пункты заселялись боевыми людьми, «мужами лучшими», по выражению летописи, которые вербовались из разных племен, славянских и финских, населявших Русскую равнину.

С течением времени эти укрепленные места соединялись между собой земляными валами и лесными засеками. Так, по южным и юго-восточным границам тогдашней Руси, на правой и левой стороне Днепра, выведены были в X и XI вв. ряды земляных окопов и сторожевых «застав», городков, чтобы сдерживать нападения кочевников. Все княжение Владимира Святого прошло в упорной борьбе с печенегами, которые раскинулись по обеим сторонам нижнего Днепра восьмью ордами, делившимися каждая на пять колен.

КАРТА РУССКОЙ ЗЕМЛИ В IX ВЕКЕ

Около половины X в., по свидетельству Константина Багрянородного, печенеги кочевали на расстоянии одного дня пути от Руси, т. е. от Киевской области. Если Владимир строил города по реке Стугне (правый приток Днепра), значит, укрепленная южная степная граница Киевской земли шла по этой реке на расстоянии не более одного дня пути от Киева. В начале XI в. встречаем указание на успех борьбы Руси со степью. В 1006—1007 гг. через Киев проезжал немецкий миссионер Бруно, направляясь к печенегам для проповеди Евангелия. Он остановился погостить у князя Владимира, которого в письме к императору Генриху II называет сеньором Русов (*senior Ruzorum*).

Князь Владимир уговаривал миссионера не ездить к печенегам, говоря, что у них он не найдет душ для спасения, а скорее сам погиб-

Карта Русской земли в IX веке

нет позорной смертью. Князь не мог уговорить Бруно и вынужден был проводить его со своей дружиной (*cum exercitu*) до границ своей земли, «которые он со всех сторон оградил крепким частоколом на весьма большом протяжении по причине скитающихся около них неприятелей».

В одном месте князь Владимир провел немцев воротами через эту линию укреплений и, остановившись на сторожевом степном холме, послал сказать им: «Вот я довел вас до места, где заканчивается моя земля и начинается неприятельская». Весь этот путь от Киева до укрепленной границы пройден был в два дня.

Мы заметили выше, что в половине X в. линия укреплений по южной границе шла на расстоянии одного дня пути от Киева. Значит, в продолжение полувековой упорной борьбы при Владимире, Русь успела пробиться в степь на один день пути, т. е. передвинуть укрепленную границу на линию реки Рось, где преемник Владимира Ярослав «поча ставит городы», населяя их пленными ляхами. Так первые киевские князья продолжали начавшуюся еще до них деятельность вооруженных торговых городов Руси, поддерживая сношения с приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси от степных ее соседей.